

разоряютца до конца». ⁸¹ Как видно из этого документа, сила влияния проповеди Аввакума и его товарищей была такова, что эта проповедь и через девять лет после их казни ощущалась современниками почти как живая. Все эти сведения были включены в царскую грамоту, адресованную воеводе И. М. Леонтьеву, и, следовательно, вновь напомнили центральной государственной и церковной власти об Аввакуме и его влиянии на народные массы.

При рассмотрении данных о «бунтарском» характере движения раскола в Поморье во второй половине XVII в. и о связях Аввакума с этим движением необходимо не только учитывать «огромный темперамент» протопопа и его «полемический задор», ⁸² но и объективную социально-политическую значимость его идей для своего времени, когда классовая борьба протекала «под знаком религии» ⁸³ Идеологический «бунт» Аввакума черпал свои силы из крестьянского движения, антифеодалного по своему социальному смыслу и раскольничьего по своей идеологической форме, и сам в свою очередь активно воздействовал на это движение.

Свое отношение к врагам и самый состав этих врагов Аввакум определял очень точно: «. . . никоно не боюся, — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни диявола самага!» (816) Обращаясь к «никонианам», он неоднократно писал «. . . аще и умру, обличитель вам буду всегда» (820, 953) Сочинения Аввакума пересыпаны прямыми угрозами беспощадной расправы с высшими представителями государственной церкви и власти «Дайте-тко срок, — я вам и лутчему-тому ступлю на горло» (304), «всех бы вас, яко свиной, переколол», ⁸⁴ «сам бы их пережег» (803), «всех вас развешаю по дуб(ь)ю» (633), «выдавлю я из вас сок-от!» (488) Считая себя «пророком» (234, 235), Аввакум мечтал уподобиться легендарному пророку Илье, который, по библейскому преданию, при помощи народа заколол 850 языческих пророков (Третья книга царств, XVIII, 40). Осуждая на расправу всю церковную иерархию сверху и донизу, Аввакум писал «Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет, да силы, — перерезал бы, что Илья пророк, студных и мерских жрецов всех, что собак» (458). «Как бы мне мочь Ильи пророка, — мечтал он, — рсех бы еретиков тех, яко Илья, ножем переколол». ⁸⁵ Аввакум возлагал надежды на нового царя Федора Алексеевича и в челобитной к нему просил: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илья пророк, всех перепластал во один день . . . Перво бы Никоно-того, собаку, разсекли бы начетверо» (769), ему, «большому-тому волку, хохлатой-той собаке, глаз вырву, нежели щенятам!» (949).

Аввакум постоянно грозил «никонианам»: «Тогда-петь не тужите, к(ак к) нам в руки попадете!» ⁸⁶ Он предвкушал расправу с «никонианами» во время грядущего «страшного суда»: «. . . тогда-де бить бичем станем пестряков-те(х) воров; старух заставим бить, бабье то дело, до смерти не убьют, а глаза выстегают, да и в реку побросаем» ⁸⁷ Но Аввакум мечтал о возможности такой последней схватки со своими противниками и в реальной жизни, еще до «страшного суда». При этом он дерзко присваи-

⁸¹ Там же

⁸² Н. К. Гудзий История древней русской литературы, изд. 6-е М. 1956, стр. 464, 470, 476

⁸³ Ф. Энгельс, стр. 360

⁸⁴ ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова № 61, л. 117

⁸⁵ Письмо к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне Житие, стр. 261

⁸⁶ ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 97 об.

⁸⁷ А. К. Бороздин, стр. 71